трѣлъ на это безсмысленное сборище. Насколько я чувствовалъ себя выше ихъ,—я, воспитанный въ странѣ, гдѣ знаютъ, что такое образованіе. Но полезно бываетъ иногда, въ минуты полнаго удовлетворенія, разобраться въ его причинахъ. Что дѣлалъ я во время моего пребыванія въ гимназіи и университетѣ? Вѣдь лучшую часть этихъ девяти лѣтъ я употребилъ на изученіе мертвыхъ языковъ, на которыхъ все же я не могу ни читать, ни писать, ни говорить. Когда я вспомнилъ объ этомъ, то я невольно почувствовалъ близость къ этимъ пѣвцамъ Корана. Въ сущности мы совсѣмъ ужъ не такъ много отличались другъ отъ друга: мертвящая рука монаховъ и дервишей одинаково коснулась и Запада и Востока. И университеты Берлина, Оксфорда и Чикаго далеко еще не свободны отъ суевѣрій ученыхъ Дамаска и Багдада.

Тѣмъ чудовищнымъ заблужденіямъ, будто языки должны составлять главный предметъ обученія, мы обязаны ученымъ монахамъ среднихъ вѣковъ. Въ то время, когда все, достойное изученія, сосредоточивалось въ греческихъ и латинскихъ классикахъ и въ священномъ писаніи, было естественно спутать одно изъ средствъ познанія съ самимъ знаніемъ. Греческій и латинскій языки были тогда какъ бы окнами въ храмѣ знанія. Но потомъ всѣ сокровища этого храма были вынесены наружу, и тѣмъ не менѣе многіе изъ насъ до сихъ поръ продолжаютъ лазить черезъ эти окна, забывая о томъ, что намъ нужно, и заботясь только о томъ, какъ бы научиться лазить поискуснѣй.

Но изученіе словъ не есть образованіе. Буква убиваетъ, духъ же даетъ жизнь, и именно почитаніе буквы искажаетъ образованіе на Востокѣ и на Западѣ; книжная сушь не содѣйствуетъ расцвѣту мысли. Старинные монахи, зарывшіеся въ своихъ библіотекахъ и отрѣзанные отъ жизни, могли, конечно, цѣлые годы тратить на то, чтобы украшать свитки пергамента красивыми виньетками, но они не примѣръ для людей нашего времени.

Можно знать много языковъ и все же не быть образован-